

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОТЕРИ НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ В XVII–XVIII вв.

Historic Conditions of Mongolia's Loss of Independence in 17–18th Centuries

Г. Хушигжаргал (*G. Khishigjargal*)¹

¹аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (Post-graduate Student of the Department of History and Regional Studies of the Institute of Oriental Studies at Buryat State University). E-mail: gkhishigee@yahoo.com.

Статья посвящена исследованию борьбы монголов с маньчжурами, результатом которой стала потеря независимости монголов. К основным факторам, обусловившим завоевание Монголии, можно отнести политическую и феодальную раздробленность страны, постоянные распри среди монгольской знати, гибкую и искусную политику маньчжуров, создавших империю Цин. В результате история монголов в течение нескольких столетий оказалась тесно переплетена с историей маньчжурской державы.

Ключевые слова: Монголия, маньчжуры, империя Цин, независимость, завоевание.

The article focuses on studying the Mongol-Manchu's struggle which resulted in loss of independence of Mongols. There are some main factors in the process of the conquest of Mongolia. The first one is political and feudal disruption of Mongols. Since the 14th century they had been divided into several rival groups and khanates. The most powerful among them were the Chahar khanate in Southern Mongolia, the Dzungar khanate in Western Mongolia and three Khalkh khanates in Northern Mongolia. All of them claimed the great khan's throne and their constant rivalry eventually led to the mutual weakening. Meanwhile on the territories to the east of Mongolia the neighboring Jurchen tribes were united by Nurkaci, a charismatic chieftain, under the name of Manchu. The consolidated Manchu state successively conquered the Mongols by means of military force, matrimonial relations and bribes. The first Mongols to ally the Manchus were the Khorchin, next the Chahars were subdued, then the Khalkh nobility pledged allegiance to the Manchu Emperor Kangxi in 1691. Finally in the middle of the 18th century the Dzungars were broken down by the Manchu and became a part of the Qing Empire.

Keywords: Mongolia, the Manchus, the Qing Empire, independence, conquest.

XVII в. для Центральной Азии стал эпохой ярких и стремительных по своему содержанию событий, имевших глубокие последствия для многих народов региона. В это время на огромном центральноазиатском пространстве существовало множество независимых или полунезависимых государств, которые устанавливали и развивали связи, исходя из собственных военно-политических интересов.

Еще со времен распада государства Юань, созданного в свое время внуком Чингис-хана Хубилаем, усилились внутренние конфликты среди монголов. Монголия вступила в долгий период политической раздробленности. Одним из результатов этих междоусобиц стала существенная ни-

велировка значимости титула «хан», часто переходившего от одного правителя к другому. В итоге Монголия превратилась в конгломерат самостоятельных владений князей и аристократов. В результате усилившихся междоусобиц и миграций заметно ослабло влияние монголов в Центральной Азии и близлежащих землях. Вследствие политической раздробленности монгольские земли были разделены на три крупные части: Южную Монголию (чахары), Северную Монголию (халха) и Западную (ойраты) [БНМАУ-ын түүх II 1968: 260].

Южная Монголия, или Чахарское ханство, была расположена на территории современного Автономного района Внутренней Монголии КНР. В Халхе выделились

три могущественных правителя — Тушээт, Засагт и Сэцэн ханы, первый из которых владел берегами р. Тола, верховьями р. Орхон, бассейном р. Тамир, второй — землями Хангайских гор и частью Монгольского Алтая, а третий кочевал вдоль р. Керулен. Север-западная часть Халхи, где проживали хотогойты, являлась владением Алтан хана [Чулуун 2006: 120], а Западную Монголию занимали ойраты, состоящие из торгутов, дербетов, хошоутов, чоросов и хойтов.

В соседнем с монголами Восточном Туркестане, в землях уйгуров, существовало Яркендское ханство, состоявшее из «уделов», т. е. городов-государств, находившихся в постоянной вражде между собой. Между их князьями и религиозными верхами шла непрерывная борьба за господство в Восточном Туркестане.

На западе и северо-западе между уйгурами и ойратами находились кочевья казахов¹. На территории современного Казахстана проживало коренное население, объединенное в форме трех племенных союзов — Жузов: Старшего, или Великого (Улы), Среднего (Орта) и Младшего (Киши). Для казахов также были характерны постоянные междоусобицы.

На востоке и севере от казахских кочевий, в верховье р. Обь, находилась земля алтайцев. А на правом и левом склоне горы Тяньшань, представлявших южную и северо-западную части казахских кочевий, расположились киргизы, которые в течение продолжительного времени совместно с казахами вели борьбу против восточных туркестанцев за регион Семиречья. Главными причинами военных столкновений между казахами и ойратами служили борьба за пастбища и военную добычу.

В конце XVI в. к востоку от монголов набирали силу маньчжуры. Согласно устоявшейся в исторической науке традиции, считается, что маньчжуры имели родственные связи с древними чжурчжэнями, в свое время покорившими северный Китай и создавшими собственную державу Цзинь [Болдбаатар и др. 1997: 135]. Маньчжуры объединились вокруг своего правителя Нурхацци (1575–1626), который проводил активную политику, направленную на консолидацию разрозненных племен. По этому поводу в одном историческом источнике

¹ В российских архивных материалах XVIII в. они именовались казаками, а позже — киргис-кайсаками, киргисами и кайсаками.

отмечалось: «... Он мудр в законах и правах, порядочный, потому многие стали за ним следовать» [Jimbadorji 1984: 474].

В 1616 г. в местности Хэтуала Нурхацци был возведен на ханский престол. Своему государству он дал название «Государство Северное Ся», которое стало заимствовать элементы военно-административной системы как соседних кочевников-монголов, так и оседлого Китая. Примером тому служит принятие хошунной организации военно-административного строя Монголии, согласно которой войска были разделены на 4 хошуна, именуемых Желтое, Красное, Синее и Белое знамя (*ци*). Впоследствии количество «знамен» было увеличено до 8 [Манжийн үнэн 4]. Маньчжуры также перенимали порядки государственного управления Китая, создав в 1631 г. по образцу государства Мин 6 управлений-министерств [Ермаченко 1974: 4].

По мере усиления маньчжуры вышли из зависимости от Мин и перестали платить дань китайскому императору. Вскоре после этого они перешли к политике вторжений в соседние страны. С 1618 г. маньчжуры начали нападать на северо-восточные границы Китая, а в следующем 1619 г. совершили первый поход против Кореи.

Еще одним важным фактором, определившим политическую обстановку в регионе в XVII в., стало расширение владений России за счет присоединения Южной и Восточной Сибири, тесно связанных с центральноазиатским пространством. Главная цель Российского государства состояла в освоении новых земель для их дальнейшего хозяйственного использования. Хотя временами имели место противоречия, которые перерастали и в вооруженные столкновения, надо признать, что царское правительство и местная русская администрация стремились к мирным формам отношений посредством обмена посольствами и регулярных торговых связей с монгольскими правителями [Чимитдоржиев 1987]. Например, в целях сбыта и обмена российских товаров правительство России не делало ограничений на количество скота и продуктов животноводства, которые ввозились монголами в Сибирь.

Вместе с тем по-особому складывались отношения России с западными монголами — торгутами и дербетами, вынужденными покинуть родные места из-за нехватки пастбищ и междоусобной борьбы в конце

XVI – начале XVII вв. Сперва они заселяли Южную Сибирь и часть Западной Сибири, а затем откочевали к устью Волги и образовали Калмыцкое ханство. Именно с этими народами приходилось находить общий язык Российскому государству, на границах которого они обосновались.

Продолжались перекочевки и из Халхи. В 1634 г. из центральных районов перекочевали в Тибет и Кукунор влиятельный Цогто-гайджиги и Бунтар в Хух-хото. С Сэцэнхановских и Тушээтухановских земель в сторону Селенги и Гусиного озера ушли другие [Монгол улсын түүх 2003].

В ситуации политической раздробленности монголов, а также ослабления минского Китая, маньчжурские правители усилили свою экспансию. В силу территориальной близости первыми столкнулись с маньчжурами южные монголы, в частности, хорчинские племена, чьи наследственные князья бэйлэ Онгудай, Мангус и Мянган совместно с чжурчжэньскими племенами Ехэ и Хада напали на Нурхаци, но потерпели неудачу [Манжийн үнэн 1]. После этого поражения хорчинские князья в 1594 г. отправили своих послов к Нурхаци и установили с ним дружественные отношения, впоследствии принявшие форму родственных связей.

Родственные связи между монголами и маньчжурами изначально устанавливались из соображений политического сближения двух кочевнических государств, граничивших с Китаем. По этой же причине маньчжурские правители не жалели подношений в виде высоких титулов и подарков монгольским князьям и аристократам, привлекая их на свою сторону [Монгол улсын 2003: 55]. Однако маньчжуры, используя родственные связи и подарки, стремились распространить свое влияние на монголов и подчинить их себе. Если на первых порах в своих отношениях с ними маньчжурские правители придерживались принципов равноправия, то позже характер этих отношений изменился. Среди маньчжурской верхушки возобладала концепция, согласно которой маньчжурский правитель как «Небесный владыка» должен завоевать все соседние народы и управлять ими.

Последний великий хан Монголии — Лигдэн (1604–1634) — в целях сохранения единства и могущества своего государства, равно как и предотвращения угрозы нашествия маньчжуров, начал поддерживать

отношения с ранее враждебным минским Китаем. Сближение Китая с монголами показало, что у первого также имелись большие опасения по поводу маньчжурской угрозы. В частности, в 1618 г. маньчжурские войска захватили Фушунь и Хайюан, а в 1621 г. — Ляодунский полуостров, что привело к некоторым изменениям в политике минского Китая по отношению к монголам. Исходя из своих интересов, китайцы приняли предложение Лигдэн хана об установлении дружественных отношений и союза против маньчжуров. Для Мин было важно прежде всего использовать монгольские силы для защиты своих северо-восточных границ.

Оценивая нависшую над его государством угрозу, Лигдэн хан стал проводить «политику всеобщего государства» (*paх mongolica*), собирая верных ему князей. В 1617 г. он основал «Цагаан хот» (Белый город)¹, куда стал собирать силы (около 100 000 воинов). Более того, в целях усиления своего влияния и демонстрации собственного могущества, он присвоил себе титул «Чингис Лигдэн хутухта» (Чингис Лигдэн святой. — Г. Х.) [Шара Туджи 1957: 75]. С ростом своего авторитета и влияния среди восточных и западных монголов Лигдэн решил проводить активную политику в сибирских землях, что, естественно, встревожило русских.

Впервые об этом упоминалось в письме Тобольской администрации управляющего Красноярска, А. Дубенского:

«В прошлом во 137 году, посылал он, Андрей, в Матарскую землицу [Мадорууд. — Г. Х.] для нашего ясаку казаков Ивашка Тимофеева с товарищи. И майя в 11 день те казаки Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские землицы и сказали ему, Андрею в съезжей избе что идет из-за Китайского царства царь неведомо какой а называют его Дючен-кан а имена ему не знают. И китайское царство взял и Лабинское государство взял же и Алтына де царя розвоевал а будет мугал воевать, и хочет итти до русских городов» [Русско-монгольские 1959: 147].

В описываемое время ситуация вокруг Монголии складывалась не лучшим для нее образом. Наряду с усилением маньчжурских сил и давлением с их стороны прежний

¹ Остатки города ныне находятся в сомоне Хааны сүм Ар хорчинского хошуна в современной Внутренней Монголии.

союзник, минский Китай, отказался от выдачи ежегодных вознаграждений, что вынудило Лигдэн хана напасть на него в 1628 г., опустошить Сюан-фу, Датун и предпринять попытку вернуть некоторые подвластные ему племена, для чего монголы вступили в бой с китайцами близ Хухэ хото. Вести о его набегах доходили до Сибири, о чем и было сказано в вышеприведенном источнике. Несомненно, что сибирские города получили эти вести от имевших с ними связи монголов.

С получением данных вестей 15 ноября 1629 г. администрация Казанского двора отправила на имя городничего Тобольска, А. Н. Трубецкого, письмо с указанием «...отправить военных людей для сбора сведений о Дючин хане и распространить городам Тобольска письма о предостережении от угрозы».

В письме было сказано:

«Воевода Кузнецка Савва Языков написал письмо, в котором ему, Савве, сказывал кондомской ясачной татарин Казаначко, что слышали они от черных калмыков: как будто идет на Алтана-хана некий царь по имени Чегир-хан с большим войском. А откуда и из какого государства, об этом он в Тобольск не писал. Тогда Савва отправил человека в земли киргизов и отдаленные районы, чтобы уточнить правдивость этой информации. При необходимости будет отправлено письмо, чтобы узнать какие новости пришли от Саввы в Тобольск. Из этого письма мы узнали о новостях» [Русско-монгольские 1959: 147]. Управляющему г. Томска, князю Петру Пронскому приказано было дать сыну боярина «...желаемое количество людей военных из Томска», вместе с тем получить подробные сведения о Лигдэн хане в кратчайшие сроки, предоставить донесения о том, «чьим ханом [государства] он является, каково его имя, где в сие время находится, много ли войск, какие у него люди, как и чем он воюет — с луком со стрелой или применяет огнестрельное оружие, с какими государствами воевал» [Русско-монгольские 1959: 148], — и в спешном порядке доложить администрации Казани об отправлении людей из Томска и получении правдивых сведений.

В случае получения каких-либо вестей о Лигдэн хане было указано немедленно отправить гонца с предупреждением: «...соблюдать всю бдительность в Тобольске, строить укрепления и составить спи-

сок тех, кто будет сидеть в них». К этому добавлено: «...защитить тех, кто несет повинности и платит налог, ... коих не должны вести в бой» [Русско-монгольские 1959: 160]. Обо всем этом приказано было докладывать время от времени. Из сказанного не трудно догадаться, что отправленное письмо носило весьма встревоженный характер.

Следуя данным указаниям, администрация Томска отправляла соответствующие письма в крепость Нарым, города Кузнецк, Енисей и Красный Яр с требованием контроля над исполнением указов. Однако только через год с лишним, 30 января 1631 г., администрация Казанского двора получила официальное сообщение от П. И. Пронского, главы г. Томска. Причина столь долгого молчания объяснялась в письме тем, что пришлось долго ждать ответы от военных округов подвластных городов, да и следуя указам, проверили их тщательным образом. Говорилось, что, несмотря на неоднократные разъяснения близлежащим военным округам, все они дали ответ в том смысле, что где бы то ни было, даже бывая в краях далеких, несущих повинности, не услышали каких-либо вестей о том хане, куда, в какое государство, область и округ тот пришел, вовсе не было слышно ничего ни от кого [Русско-монгольские 1959: 160]. Сообщив все это, Пронский в письме назвал Лигдэн хана «неведомым царем» [Русско-монгольские 1959: 161].

В письме есть еще одно интересное сведение: киргизы из окрестности Красноярска сообщили русским военным о приближении Дючин-хана и просили оставить крепость Красноярскую. Однако следует сказать, что эти сведения о Лигдэне были лишь слухами, распущенными кочевниками, в частности, со стороны государства Алтан хана, калмыков и киргизов, специально для приграничных новых русских городов. Можно предположить, что они являлись попыткой вытеснения русских со стороны кочевников.

В описываемое время России приходилось остерегаться нашествий кочевников с востока, так как с подобного рода слухами донесения почти непрерывно поступали в Москву от сибирских городов. Так, например, еще до вестей о Лигдэне, в 1621 г., управляющий г. Томска И. Ф. Шаховской прислал управляющему Тобольским острогом М. М. Годунову письмо с тревожным сообщением: «А слажилс я де Алтын-царь

с Казасцкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де ане в степех кочевали, и с тех с их кочевья збили. И одноконечно, господине, всем чорным колмакам кочевати меж Оби реки, а ждут де на собя вскоре Казачьи орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына-царя. И тебе бе, господине, те вести были ведомы» [Русско-монгольские 1959: 160].

Из сказанного можно заключить, что распространенные в русской Сибири вести о монгольском хане являются свидетельством успехов политики Лигдэна на определенное время. Но вскоре, с началом перехода монгольских князей на сторону маньчжуров, политика Лигдэна была направлена на применение силы, что еще больше толкало южномонгольских князей на сторону маньчжурского государства.

В 1626 г. маньчжурские войска, а в 1631 г. — южные монголы совместно с маньчжурами, напали на Лигдэна и нанесли ему поражение, вследствие чего последний, оказавшись в затруднительном положении, скончался в 1634 г. [История Монгольской 1983: 193]. Вскоре после этих событий, в 1636 г., сын Лигдэн хана Эжэй сдался маньчжурскому правителю Абахаю и передал ему тамгу (печать) Юаньской династии — символ высшей власти у монголов.

О кончине Лигдэн хана русские источники гласят, что «... поныне уртусский хан Контарачи и китайцы подвергли Дючин хана к смерти» [Русско-монгольские 1959: 156]. Упоминаемые в документе «уртуссы» и есть ордосский тумен. Таким образом, к 1636 г. Южная Монголия была завоевана маньчжурами.

В этот период Халха-Монголия стремилась укрепить свою самостоятельность путем возведения своего представителя на престол духовного буддийского владыки, а в Западной Монголии развернулась интенсивная деятельность Хархул хана по созданию Джунгарского ханства. Эти события показывают, что как халхасцы, так и ойраты, уже догадались о предстоящей угрозе со стороны созданного маньчжурского государства и стремились подготовиться к ее отражению.

Попытки к объединению монголов в этот период предпринимались неоднократно. Они нашли свое отражение в законодательной деятельности. В 1640 г. в местности Улаан бураа в Тарбагатае на съезде ойратских и халхаских владетельных князей был

принят свод законов «Их цааз» («Великое уложение». — Г. Х.), который предполагалось сделать основным законом для всех монголов. Поскольку в съезде участвовали самые влиятельные лица от ойратов и халха-монголов [Нацагдорж 1963: 34], принятие закона демонстрировало их стремление регулировать общественно-политические и религиозные отношения единым законом. И не случайно, что в «Их цааз» монгольское государство именовалось «дөчин дөрвөн хоёр» [Их цааз 1981: 125], исходя из самоназвания монгольских народов.

В 1644 г. маньчжуры, захватившие северный Китай и усилившие свою власть, сменили название своего государства с «Цзинь» на «Цин» («Чистая (благородная) [династия]»). С этого момента отношения монголов с маньчжурской державой определяются как отношения с империей Цин.

Покорив южных монголов и захватив северный Китай, цинские правители сосредоточили свое внимание на завоевании Халхи. Долгое время между маньчжурами и халха-монголами поддерживались весьма дружественные отношения, что объяснялось отвлеченностью первых на войны с Китаем и южными монголами. Однако с 1651 г. политика Цинского государства по отношению к Халхе ужесточилась.

В этих условиях халхаские ханы во главе с Засагт ханом, стремясь воспротивиться цинской угрозе, решили отказаться от несения дани т. н. «9-ю белыми»¹ и начали оказывать сопротивление вплоть до намерений вступить в военный конфликт [Бор 2000: 179], о чем сообщили с посольством к цинскому двору. В ответ на это цинский император не принял послов от трех халхаских ханов, но с большими почестями встретил Данзан ламу, родоначальника Сайн нойона, что, несомненно, явилось свидетельством цинской политики по разобщению халхасцев.

Цинское государство не могло оставлять Халху без внимания, так как знало, что на севере имела крупная сила в лице России, которая могла бы привлечь Халху к себе. Со временем стала активизироваться политика цинского двора, нацеленная на захват Халхи. Император Канси (1661–1722) хотел завершить этот процесс собственноручно. Так, в «Истории о завоевании китай-

¹ Восемь лошадей и один верблюд белой масти — символическая дань у кочевников.

ским ханом Канхием»* сказано: «*Издавна со светлым умом Хуанди, установив свою власть над монголами сорока девяти хошунов* (имеются в виду южные монголы. — Г. Х.), *вслед за ними держал мысль объединить Халху северного края. Не сумел пойти*» [Хан-и арах 44].

Канси особенно стремился привлечь на свою сторону буддийского главу Халхи, с которым имел и развивал связи через его духовного наставника — тибетского Далай-ламу.

Одновременно с этим на севере пришли в движение и русские, которые, один за другим отправляя своих послов, тоже оказывали давление на влиятельных халхаских князей, чтобы обратить их в свое подданство.

Тем временем начавшиеся с 1662 г. внутренние раздоры в Халхе все усугублялись, вследствие чего в ее дела стали вмешиваться четыре влиятельных «игрока»: цинский император, тибетский Далай-лама, русский царь и ойратский хан Галдан бошогту. Правда, акад. Ш. Нацагдорж отмечал лишь «троих лиц» [Нацагдорж 1963: 38], оставив без внимания Россию. На наш взгляд, в халхаском вопросе Россия принимала весьма активное участие, что подтверждают процитированные выше документы.

Самостоятельную роль в халхаских делах со второй половины XVII в. стали играть ойраты, что, естественно, породило большие опасения у цинского императора. Дело заключалось в том, что из-за противоречий между халхаскими Засагт и Тушээт ханами мог особенно усилиться ойратский Галдан бошогту. Поэтому Канси, в целях примирения двух ханов, инициировал съезд, куда, по мнению акад. Ш. Нацагдоржа, отправлялись «... послы Канси с замаскированной целью разведывать внутреннее положение Халхи и Ойратии и привлечь их на свою сторону» [Нацагдорж 1963: 40]. В 1686 г. в местности Хүрэн бэлчир при посредничестве посла Далай-ламы Канси созвал примирительный съезд «правого и левого крыльев» Халхи. Это свидетельствовало об изменении политики Канси в отношении северных монголов — от сеяния раздоров к объединению усилий в борьбе против Галдана, который все активнее вмешивался в халхаские дела. Так, Галдан отправил на съезд своего на-

блюдателя, который выразил протест и, более того, попытался сорвать проведение съезда.

На съезде был оглашен указ Цинского императора о примирении, и двое халхаских ханов (Тушээт и Засагт ханы) дали клятву в дружбе, что на самом деле было не более чем лицемерием [Монгол улсын 2003: 116].

Можно согласиться с авторами монографии «История Монголии» в том, что Хүрэн-бэлчирский съезд состоялся по указанию и под контролем цинской власти, а его истинная цель заключалась «... в стремлении аннулировать решения Монголо-Ойратского съезда 1640 г., в принятии в цинских интересах мер по ослаблению кризиса халхаских нойонов и попытке противопоставлять Халху Джунгарии (Ойратии)» [Монгол улсын 2003: 116]. Вскоре после этого съезда усиливаются халха-ойратские противоречия, которые впоследствии переросли в открытую ойрато-цинскую войну.

В связи с этим в 1689 г. Цинское государство заключило договор с Россией в г. Нерчинске и установило с ней дружественные отношения, что дало возможность цинскому императору не только более решительно вмешиваться во внутренние дела Халхи, но и подчинить ее себе. В этой благоприятной для себя обстановке Канси приступил к решительным действиям. Воспользовавшись тяжелым положением Халхи, оттесненной ойратами, в 1691 г. он созвал в Долонноре съезд с целью окончательного подчинения себе халхаской знати. В данный период у Халхи не было сил противостоять Цинскому государству, имевшему явное экономическое и военно-политическое превосходство. У халхасцев также были ограничены возможности получить помощь от северного соседа из-за пограничных и территориальных споров. Все это вынудило халхаскую знать пойти на уступки и принять подданство цинского императора. В результате 1691 г. стал датой потери независимости Северной Монголии.

После этого начинается подготовка к покорению Западной Монголии (Джунгарии), которая осталась еще не завоеванной и представляла угрозу цинским интересам в восточных областях Монголии и в Тибете.

В 1696 г. в битве на р. Тэрэлж Галдан бошогту потерпел поражение от объединенной цинской армии и был вынужден отказаться от активной внешней политики. Однако несмотря на это поражение могущество запад-

* «Энх-Амгалан хааны бодлогын бичиг» — «История о завоевании китайским ханом Канхи-ем калкаского и элютского народа, кочующего в Великой Татарии».

ных монголов не было сильно подорвано. Власть в Джунгарии после смерти Галдана перешла к его родственнику — Цэвээн-Равдану, которого цинский двор вначале хотел противопоставить Галдану и привлечь на свою сторону. Но он предпочитал вести самостоятельную политику [Нацагдорж 1963: 59], что привело к повторному усилению Джунгарии. На западе ойраты захватили города Кашгар, Турфан и Яркенд и начали взимать с них пошлины. Цэвээн-Равдан также начал проводить активную политику в Кукуноре и Тибете, что для Цинского государства служило причиной для прямого столкновения с ойратами. Более того, Цэвээн-Равдан стремился привлечь на свою сторону Гуши хана и Лхавзан, которые управляли Кукунором и Тибетом, а в противном случае угрожал захватом. Из всего этого цинским правителям стало понятно, что Джунгария является их крупным и опасным врагом.

Для Цинского государства районы Кукунора и Тибета были стратегическим плацдармом. По этой причине Канси разработал план нападения на Цэвээн-Равдана по трем дорогам (направлениям). В 1720 г. цинские войска, вступив в Тибет, воевали с войсками Джунгарии и, одержав первую победу над командующим Цэрэндовом, установили свое полное господство в Тибете.

Кончина Канси в 1722 г. привела к некоторым изменениям в политике цинского двора, так как новый император Юнчжэн стремился смягчить положение, решив приостановить введение войск в Джунгарию. Необходимость этого была обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, цинский двор опасался возникновения мятежей из-за бедствий войны в провинциях Шанси и Ганьсу. Необходимо было учесть тяжелое положение, возникшее в войсках, много лет воевавших с Джунгарией. Восемь лет борьбы Канси с ойратами не дали желаемых результатов. К этому добавилось то, что в Тибете началось антимагьжурское восстание [Нацагдорж 1963: 60–61].

Все это удерживало императора Юнчжэна от решительных действий, и только через несколько лет он вступил в войну с Джунгарией. Одержав лишь две небольшие победы над ней, он долгое время не мог мобилизовать свои силы, после чего в 1734 г., договорившись с Джунгарией о дружбе, отозвал назад войска. На следующий год были выведены войска и с двух других на-

правлений. Вместе с тем в целях отпора дальнейших набегов со стороны Джунгарии Юнчжэн расположил 20-тысячное войско в Туркестане, Хами, Турфане, местности Цагаан сүүл и в районе Орхона.

Вскоре после этих событий Юнчжэн скончался, и вместо него цинский трон занял Цяньлун (1735–1796), который вначале тоже придерживался тактики мирного сосуществования с Джунгарией. Однако такие отношения продолжались недолго.

В Джунгарии в начале 1750-х гг. начался внутренний кризис, и политическая обстановка осложнилась. За ханский престол боролись несколько знатных князей. Этим решил воспользоваться император Цяньлун, встав на путь прямого завоевания ойратского государства. В одном из его указов говорилось: «... В эти годы у них (ойратов) одна за другой случались неурядицы и смуты, и ныне народ удрученный. Следовало бы пойти на них (воевать), ибо если потерять это, то через некоторые годы у них все сложится, и они по старой привычке снова поднимут возмущения. Мне думается, нельзя упустить это...» [Зүүнгарын бодлогын 2].

По сравнению с ранее завоеванными Южной Монголией и Халхой Джунгария была единой, и для того, чтобы разложить ее политически, Цины применяли испытанный метод разжигания внутренних противоречий среди ее элиты, что, конечно, сыграло решающую роль в поражении Джунгарии. Цяньлун, критически оценив методы борьбы прежних императоров с ойратами и не откладывая дело в долгий ящик, приступил к разработке новых планов. Он довольно успешно использовал внутренний кризис Джунгарии против нее самой, так как поставил во главе своих войск ойратского князя Амурсану, перешедшего на сторону Цинского государства. В результате в 1755–1757 гг. Западная Монголия была завоевана, а значительная часть ее населения уничтожена либо изгнана со своих земель.

Таким образом, монголы потерпели поражение в противостоянии с Цинским государством, которое в течение 120 лет последовательно, этап за этапом, проводило политику разъединения монгольских народов и их последовательного подчинения своей власти. Последующие столетия монгольской истории были неразрывно связаны с цинским господством.

Источники

- Зүүнгарын бодлогын бичиг. Рукопись. Тетрадь 2. Публичная библиотека Монголии. Улаанбаатар.
- Манжийн үнэн магад хууль. (*Уложение китайской палаты внешних сношений*). 1-р дэвтэр. Рукопис. фонд Института истории и археологии МАН.
- Манжийн үнэн магад хууль. 4-р дэвтэр. Рукопис. фонд Института истории и археологии МАН.
- Хан-и араха варги амарги ба-бэ нэчихий эмэ тогтобуха бодогон битхэ. [Хроника правления императора Канси]. Ксилограф (на маньчжурском языке). Том. 44. Улаанбаатар.

Литература

- Болдбаатар Ж., Лүндээжанцан Д. Монгол улсын төр эрх зүйн түүхэн уламжлал. [Историческая традиция государства и права Монголии]. Улаанбаатар, 1997. 393 х.
- Бор Ж. Монгол хийгээд Евразийн дипломат шастир 1368–1758. Боть 3 [История Монголо-евразийских дипломатических отношений 1368–1758 гг. Том 3]. Улаанбаатар, 2000. 364 х.
- БНМАУ-ын түүх. Боть II [История МНР. Том 2]. Улаанбаатар, 1968. 620 с.
- Ермаченко И. С. Политика маньчжурской дина-

стии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.

- История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1983. 660 с.
- Их цааз. Великое уложение. М.: Наука, 1981. 148 с.
- Монгол улсын түүх. Дөтгөөр боть (XVII–XX зууны эхэн) [История Монголии. Том 4 (XVII–нач. XX вв.]. Улаанбаатар, 2003. 420 х.
- Нацагдорж Ш. Халхын түүх [История Халхи]. Улаанбаатар, 1963. 280 х.
- Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 350 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 239 с.
- Чулуун С. Хотогойдын түүх. Боть I (Угсаатүүхийн судалгааны зарим асуудал. XVII–XX эхэн үе) [История Хотогойтов. Том 1 (Некоторые проблемы историко-этнографического изучения. XVII – начало XX вв.]. Улаанбаатар, 2006. 162 х.
- Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводн. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шатиной. М.; Л.: Наука, 1957. 197 с.
- Jimbadorji. Bolur toli [Хрустальное зеркало]. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1984. 2+589 h.

Sources

- Khan-i araha vargi amargi ba-bje njechihij jemje togtobuha bodogon bithje. [Khronika pravlenija imperatora Kanshi]. Ksilograf (na man'chzhurskom jazyke). Tom. 44 [The Chronicle of the reign of Emperor Kangxi]. The xylographs (In Manchu language). Tom. 44. Ulaanbaatar]. Ulaanbaatar.
- Manzhijn ynjen magad huul'. (Ulozhenie kitajskoj palaty vneshnih snoshenij). 1-r djevtjer. Rukopis. fond Instituta istorii i arheologii MAN [(The code of the Chinese chamber of external relations). Notebook 1. Manuscript. the Fund of the Institute of History and Archaeology MAN]. (In Monolian).
- Manzhijn ynjen magad huul'. 4-r djevtjer. Rukopis. fond Instituta istorii i arheologii MAN [Manuscript. the Fund of the Institute of History and Archaeology MAN]. (In Monolian).
- Zyngaryn bodlogyn bichig. Rukopis'. Tetrads' 2. Publichnaja biblioteka Mongolii [The Dzhungar policy. Manuscript. Notebook 2. Public Library of Mongolia]. Ulaanbaatar. (In Monolian).

References

- Bowl Touji. Mongol'skaja letopis' XVII veka. Svodn. tekst, per., vved. i primech. N. P. Shastinoy [The Mongol Chronicles of the seventeenth century. Combined text, transl., introduction and comment. by N. P. Shastina]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1957. 197 p. (In Russ.).
- BNMAU-yn tygh. Bot' II [Istorija MNR. Tom 2] [The History of the MPR. Volume 2]. Ulaanbaatar, 1968. 620 p. (In Russ.).
- Boldbaatar Zh., Lyndjejezhancan D. Mongol ulsyn tor jerh zyjn tyghjen ulamzhlal. [Istoricheskaja tradiciya gosudarstva i prava Mongolii] [Historical tradition of the state and law of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1997. 393 p. (In Mongolian).
- Bor Zh. Mongol hijgejed Evrazijn diplomat shastir 1368–1758. Bot' 3 [Istorija Mongolo-evrazijskih diplomaticheskikh otnoshenij 1368–1758 gg. Tom 3] [The history of the Mongolian

Eurasian diplomatic relations 1368-1758, Volume 3]. Ulaanbaatar, 2000. 364 p. (In Mongolian).

- Chimitorzhiev S. B. Rossiya i Mongolija [Russia and Mongolia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 239 p. (In Russ.).
- Chuluun S. Hotogojdyn tygh. Bot' I (Ugsaa-tyghijn sudalgaany zarim asuudal. XVII–XX jehjen ye) [Istorija Hotogojtov. Tom 1 (Nekotorye problemy istoriko-etnograficheskogo izuchenija. XVII – nachalo XX vv.)] [Some issues of historical and ethnographic study. XVII – beginning of XX centuries]. Ulaanbaatar, 2006. 162 p. (In Mongolian).
- Ermochenko I. S. Politika man'chzhurskoj dinastii Cin v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v. [Policy of the Manchu Qing dynasty in the southern and northern Mongolia in the seventeenth century]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 196 p. (In Russ.).
- Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki. Izd. 3-e, pererab. i dop. [The History of the Mongolian People's Republic. Ed. 3rd, revised and enlarged]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 660 p. (In Russ.).
- Ik caaz. Velikoe ulozhenie [Great tsaaaz. Great code]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 148 p. (In Russ.).
- Jimbadorji. Bolur toli [Hrustal'noe zercalo] [The crystal mirror]. Begejing, Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1984. 2+589 p. (In Mongolian).
- Mongol ulsyn tygh. Dөтгөөр bot' (XVII–XX zuuny jehjen) [Istorija Mongolii. Tom 4 (XVII–nach. XX vv.)] [The History of Mongolia. Volume 4 (XVII–early XX centuries)]. Ulaanbaatar, 2003. 420 p. (In Mongolian).
- Nacagdorzh Sh. Halhyn tygh [Istorija Halhi] [The History of Khalkha]. Ulaanbaatar, 1963. 280 h. (In Mongolian).
- Russko-mongol'skie otnoshenija 1607–1636. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian relations 1607-1636. The collection of documents]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1959. 350 p. (In Russ.).